

ФИЛОЛОГИЯ

В. Н. Базылев

Агрессивность современного информационного пространства

УДК 316. 48 (075)

Статья посвящена анализу предпосылок агрессивности и конфликтности в поведении человека в связи с возрастающей ролью средств массовой информации. Содержание, форма и динамика сообщений СМИ рассматривается как фактор агрессивности в межличностных отношениях.

Ключевые слова: *психологическая агрессия, межличностный конфликт, коммуникация, манипулирование, информационное пространство, симуляция.*

V. N. Bazylev. The aggressiveness of modern information space

The article is devoted to the analysis of the preconditions of aggression and conflict in human behavior due to the increasing role of media. The content, the form and dynamics of media messages are viewed as factors of aggression in interpersonal relations.

Keywords: *psychological aggression, interpersonal conflict, communication, manipulation, information space, simulation.*

Рассмотрение культуры как информации, которая создается или принимается, отыскивается, сохраняется, передается или утрачивается в различных знаковых системах, безусловно, требует приемлемого определения и логичного обоснования структуры «культура как информация». При этом информация как изложение

или разъяснение, предполагающая процесс передачи или получения каких-либо сведений, не в полной мере отражает сущность протекающих процессов. Она не способна отразить организацию самого процесса информирования — каналы связи, потоки, направления передачи, передающую среду, участников, их коммуникационные возможности в восприятии, интерпретации значений, в которые воплощаются смыслы как феномены культуры.

С позиций термодинамики было предложено рассматривать информацию как убыль неопределенности или меру неопределенности, или усовершенствование системы в результате передачи ей информации, ведущее к уменьшению ее энтропии, т.е. в приложении к человеку, безотчетное стремление к восстановлению некой неполной или распавшейся всеобщей связи с универсумом. В формулировке В.И. Шаповалова информация об объекте есть изменение параметра наблюдателя, вызванное взаимодействием наблюдателя с объектом [9, с. 57–58].

Эта формулировка с предложенным уточнением более приемлема, содержательна и целесообразна. Наблюдателем в данном случае может быть непосредственный или опосредованный отправитель или получатель информации. Так как передача информации осуществляется посредством сообщений (текстов), то используется знаковый репрезентант в форме семиотического образа или эквивалента. Последний включается в сознание как часть ментального пространства и порождает социально воспринимаемый знаковый образ как порождение смысла. При этом смысл не исчерпывается значением, так как последний, по словам А.А. Пелипенко, это семантическая компонента смысла, в которую включены экзистенциальное переживание и ценностная окрашенность [7, с. 186].

Следовательно, изменение параметра наблюдателя связывается, с одной стороны, с взаимодействием с некоторым объектом, каковым является некий знаковый репрезентант — артефакт или дискретные артефакт-структуры, с другой стороны, изменение параметра наблюдателя происходит в результате возникновения связей между семантическими знакообразами и порожденными ими смыслами в имманентной ему культурной системе. Рассуждая так, можно предположить, что единицы информации, порождающие

смыслы, которые могут передаваться человеческим разумом, являются также единицами культуры, как и смысл. Если последний может рассматриваться как квантованная единица, то единица информации в культуре предполагает аналог волновой функции, так как позволяет перемещаться в пространственно-временных координатах, причем передача информации не сводится к простому вычитанию ее у отправителя, она присутствует на всем пространстве передачи к получателю, не обедняя отправителя.

Передача информации в культуре, по сути, представляет множества сообщений, которые передаются преимущественно по звуковому или зрительному каналам либо их совокупности. Процесс коммуникации, проистекающий в пределах реального времени, естественно отличается от коммуникаций, возникающих в дискретных по отдаленности временных отрезках. В этом случае процесс декодирования может происходить в иной культурной системе, порожденной другими смыслами, как результатом изменений семантических полей, ценностных доминант личного и социального порядков. Именно поэтому он попадает в область герменевтической проблематики.

Особенности процессов коммуникации в реальном времени позволяют целенаправленно воздействовать на расширение области коммуникации, используя, в частности, многократные акты повторения коммуникации. В условиях глобальных информационных процессов этот прием используется для максимального усреднения интерпретации смыслов знаковых систем сообщений участниками трансляции информации. Это способствует, с одной стороны, расширению области общего восприятия, с другой стороны, в условиях агрессивности информационного пространства, в котором обитает индивид, приводит к обеднению экзистенциального переживания из-за неиспользования личностью потенциальных смысловых возможностей. Причиной последнего могут являться не только природные сниженные интеллектуальные возможности конкретного человека, сколько их искусственное ограничение за счет внедрения наведенного (полученного извне) стереотипа восприятия и осмысления.

Динамика передачи информации в культуре определяется наличием каналов коммуникации, кроме того она связана с их пропускной способностью. Увеличение количества каналов связи способствует динамичному включению в общие коммуникационные процессы все более широких и малоизвестных сфер жизнедеятельности различных областей социального мира, расширению обмена в пределах развивающегося информационного поля культуры. Создается впечатление, что мир становится все более и более прозрачным. Количество элементов системы, находящейся под воздействием внешнего мира, с увеличением открытости системы растет, следовательно, ослабевают внутренние связи системы, снижается степень упорядоченности структуры.

Конец XX — начало XXI вв. кардинально изменили пространственную структуру мира в результате появления новых средств массовой информации и коммуникации транснационального характера. В процессе трансляции культуры навязываются формы взаимодействия: взаимопроникновение, внедрение или наложение культур проходит по агрессивному сценарию. Примером может служить наблюдаемый процесс растущего мирового приоритета США в формах информационной экспансии в ущерб национальным интересам отдельных стран и континентов. На международной конференции «Информационная война» в 2008 году профессор Чикагского университета М. Гейгер обосновывал необходимость информационного доминирования (культурной экспансии) США во всем мире. Там же представитель Австрии Г. Штокер, отмечая достижения американской доктрины ведения информационной войны, констатировал — как одно из наиболее действенных — распространение продукции Голливуда [6]. Современное телевидение являет собой, пожалуй, наиболее яркий и убедительный пример продвижения американской доктрины: массированная демонстрация разного рода идентичных по существу фильмов, пропагандирующих насилие, банальные половые проявления, безумное количество трагедий, аварий, нашла отражение в российском кинематографе, особенно в телесериалах.

Информационная культура нынешнего времени направлена на формирование некой суррогатной мировой общности с мышлени-

ем, ограниченным стереотипами, создаваемыми генераторами или владельцами информационного пространства. Она же определяет формы интеллектуальной регламентации, которые, в сущности, приводят к неким обобщенным знаковым формулам жизнедеятельности, что, в свою очередь, может стать причиной раскола и нового исторического витка конфронтации. Определенные проявления этого процесса мы наблюдаем в виде противоборства стран западных культур, использующих те же «рецепты», которые десятилетиями тиражировались средствами массовой информации, в том числе и продукцией Голливуда, но с последующими кровавыми финалами, в отличие от фильмов, которые, как известно, имеют благополучные концовки. Подобная глобальная провокация имеет далеко идущие планы по целенаправленному сокращению населения планеты до необходимых пределов согласно рекомендациям интеллектуалов Римского клуба.

Достаточно определенно это связывается с интеллектуальным отставанием в восприятии и осмыслении получаемой и обрабатываемой информации в условиях искажения ее и излишней избыточности, приводящей к усложнению поиска путей решения из известных вариантов для освоения нового знания. Это грозит потерями устойчивости индивида и общества, опредмечиваемых в когнитивных диссонансах. Неумение адекватно оценить информацию из-за недостаточности ресурсов интеллектуального осмысления, использование навязанных стереотипов решения фактически порождает дестабилизирующую информацию и способствует использованию ее в целях манипулирования сознанием как отдельных личностей, так и разного рода социумов.

Под агрессивностью информационного пространства мы понимаем формирование и реализацию угрозы использования информационной среды общества, в которой человек постоянно находится как основной объект и субъект информационного воздействия для самой экзотической социальной экспансии отдельных государств в ущерб другим.

Информационное манипулирование сознанием является наиболее динамичным и имеющим претензии на глобальный эффект интегральным антипозитивным способом взаимодействия культур.

Оно внедряется агрессивно с целью разрушения в сознании индивидуумов нравственных и мировоззренческих ориентиров, ответственных за нравственную и ценностную мобилизованность общества в целом. Таким образом, нравственное сознание и мировоззренческая научная картина мира являются главными целями информационного манипулирования, так как связаны с основными вопросами взаимоотношений субъекта и объекта познания или бытия. Опосредованность общения через бесконтактные формы, например СМИ, позволяет превращать отношения между объектом и субъектом в односторонний процесс воздействий, хотя объекту принадлежит право продолжать или прекратить взаимодействие. Общество, пребывающее в состоянии ценностных шатаний, в большинстве своем состоит из индивидуумов, не представляющих, чего они хотят. Нередко это принимает формы всеобщей апатии и позволяет в таких условиях реализовывать «рефлексивное» управление, т.е. целевым образом формировать информацию с элементами дезинформации, которая бы побуждала лицо, принимающее решение действовать в интересах другого объекта [2].

Успех воздействия обеспечивается достижением нужного уровня стандартности восприятия, создания такой мозаики индивидуального экрана знания, по А. Моллю, чтобы как можно быстрее срабатывало ассоциативное мышление [5]. Наиболее распространенным технологическим приемом можно считать «конструирование» сообщения из обрывков высказывания или видеоряда, представляющее отправителю сообщения широкие творческие возможности для создания требуемого контекста или смысла. При этом для достижения цели должно выполняться одно общее условие: подача материала (текста) должна предполагать необходимый стереотип восприятия, как правило, упрощенного типа. Человек должен воспринимать сообщение безоговорочно, без ощутимых интеллектуальных усилий, без внутреннего критического анализа, то есть, не используя таких компонентов постижения смысла, как экзистенциальное переживание и ценностная окрашенность. В этом проявляется технология редукции СМИ: использование системы легко воспринимающихся упрощенных, стереотипных (ожидаемых), за-

частую императивных утверждений при представлении любого общественного явления, каким бы сложным оно ни было.

М. Мамардашвили, рассматривая процесс мышления как процесс «кристаллизации истины», писал, что «умение мыслить не привилегия какой-либо профессии, перед человеком издревле стоит задача обуздания дикости, свирепости, эгоизма собственной природы, его инстинкты, алчность, темнота сердца, бездушие и невежество вполне способны аккомодировать мыслительные способности, рассудок и выполняться посредством их. И противостоять этому может только гражданин, имеющий и реализующий свое право мыслить своим умом» [3, с. 95].

С. П. Расторгуев в книге, посвященной философии информационной войны, вводит понятие силы информационного воздействия как физической величины, характеризующей изменение состояния объекта в ходе целенаправленного информационного воздействия в сравнении с его исходным состоянием [8]. Особенностью объекта является его готовность к получению той или иной информации, т.е. способности или возможности воспринимать и интерпретировать знаковые формы и смыслы. Автор показывает, что эффективность этой силы связана не с появлением убедительного, аргументированного одноразового сообщения, а с регулярными появлениями материалов одинаковой направленности. Именно поэтому многие передачи, имея начала, никогда не имеют завершения. С точки зрения стратегов телекультуры они представляют интерес для маргинальных слоев общества, которыми в настоящее время становятся ученые и исследователи, если их изыскания не приносят материальной выгоды. Тексты фундаментальной науки как явления культуры оказываются сознательно устраненными из поля ее развития. А кванты культуры — смыслы, обогащенные экзистенциальной сопричастностью и аксеологической компонентой, распространяются с использованием единиц информации в соответствии с определенной программой извне. Эти смыслы должны быть примитивны, эгоистичны, по сути возбуждать алчность, бездушие, «темноту сердца», порождать невежество, не осмысливаться, не выстраиваться в систему знаний, представлять собой широкую мозаичную картину, собирать которую в единое полотно мышления

— невыполнимая задача для подавляющего большинства. Поразительны данные обследования школьников 15 лет, проведенные в 2010 году по одной из программ ЮНЕСКО, согласно которым российские школьники по восприятию и пониманию текста на родном языке находятся на 23–26 месте из 32 возможных. Позволительно привести слова одного из молодых магистров, оканчивающих Высшую школу экономики: «...трудно жить молодым экономистам, видя вокруг толпы лишних людей, мешающих общему счастью». В толпы этих лишних людей молодой мыслитель включает, прежде всего, лингвистов, историков, потом учителей и военных [4, с. 6].

Фактически это результат «дозревания некоего непонятого в режиме реального времени текста сообщения, который остался в глубинах сознания и, наконец, доходит до уровня определенного поступка». Возможно, это были «Бесы» Ф. Достоевского или «Три сестры» А. Чехова, умноженные на мощностное воздействие информационного оружия «массового поражения» СМИ.

Формирование у индивида ощущения собственной незащищенности, одиночества, зависимости от случайностей жизни — такова основная материя манипулирования сознанием в условиях агрессивного информационного пространства. Не останавливаясь на конкретных технологиях информационного воздействия, необходимо отметить действие комментария в качестве манипулирования сознанием.

С точки зрения французского теоретика постмодернизма Ж. Бодрийяра, культура теперь доминантно определяется некоторыми моделями, симуляциями, не имеющими исконного, изначально четкого референта. При этом значение формируется не за счет осмысления, соотнесения с независимой реальностью или некоторыми стандартами, имеющими ценностную окраску, а за счет соотнесения с другими знаками, императивно выделенными в тексте. Насыщение повседневности бесконечной серией симуляций приводит к формированию своеобразной гиперреальности, своего рода эстетизированной галлюцинации реальности, потерявшей изначальный смысл [1]. В качестве таких симуляций могут выступать бесконечные комментарии по поводу события, или так называемые комментарии к комментариям. Например, жанр «ток-шоу». Моде-

лирование гиперреальности в такого рода передачах доведено до уровня высокого искусства манипулирования аудиторией: ни один комментарий не имеет завершенности, соприкасаясь лишь частично с фактическим ядром текста-сообщения. На экране мы наблюдаем абстракцию эмоционального восприятия, прежде всего, конкретной личности. Затем с определенной эмоциональной направленностью ведущего ее политической эмблемы, а на осмысление текстового материала зрителю не хватает времени, так как темп предлагаемых дебатов не позволяет критически сопоставлять звучащий материал, а в лучшем случае воспринимать его только по ассоциативным связям с принятыми стандартами.

Разделение целостного материала на фрагменты проводится таким образом, чтобы получатель информации не мог создать в процессе передачи общую картину проблемы — это является наиболее эффективным и испытанным приемом создания искусственной мозаичности в культуре. Формы полилога, развернутые размышления одних, жестко прерываемые ответы-вопросы других участников, затрудняющие восприятие, постоянно перерываются рассеивающими внимание, отвлекающими от основной темы внедрениями рекламных блоков, интерактивными включениями.

Расчет делается на интеллектуальную неразборчивость получателя информации, формирование нужной картины мира интенсифицируется с использованием современных знаковых средств, будь то стилевые и лексические особенности молодежного сленга, разного рода перформансов арт-салонов, демонстрация роскошных интерьеров без единой книги, шокирующие рекламы, эпатирующее поведение и т.п. Общественная апатия породила спрос на динамичные по форме, возбуждающие по содержанию произведения литературы и искусства.

Такое информационное манипулирование отнюдь не является явлением, присущим эпохе широких масштабов и технологических возможностей ее распространения. Владение информацией того или иного рода всегда давало преимущества интеллектуального свойства и в воспитании подрастающего поколения, и в военной, и в политической борьбе и т.д. Информация как единица культуры воплощалась в разные знаковые системы, тем самым способствова-

ла распространению знания как проявления культуры, локально она использовалась и для манипулирования сознанием. Однако впервые за многие годы информация стала обладать глобальным размахом своего продвижения, впервые основные генераторы информации сосредотачиваются в одних центрах, впервые в масштабах культуры ее проводник используется для усреднения культурных проявлений, стандартизации мышления, подавления осмысления, снижения интеллектуального богатства человечества.

Противостояние агрессивному информационному пространству с целью интеллектуального выживания человечества, сохранения национальных особенностей культуры, разнообразия ее проявления и индивидуальности человека — такова задача обеспечения информационной безопасности личности. Решение ее лежит в развитии внутренних интеллектуальных фильтров, формировании развитой социально зрелой личности с критическим и аналитическим мышлением, снижении наведенной извне эмоциональной реактивности.

1. Бодрийар Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 2001. 220 с.
2. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М. : Сов. радио, 1973. 160 с.
3. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М. : Прогресс, 1992. 368 с.
4. Московский комсомолец. 2010. 30 ноября. С. 6.
5. Моль А. Социодинамика культуры. М. : Прогресс, 1973. 406 с.
6. Панарин И. Н. Информационная война в России. М. : Мир безопасности, 2009. 138 с.
7. Пелипенко А. А. Смыслогенез и культура. М. : МГУКИ, 2007. 434 с.
8. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М. : МПСИ, 2001. 468 с.
9. Шаповалов В.И. Энтропийный мир. Волгоград : Перемена, 2005. 91 с.